

Елена
Вадимовна
ТУМАКОВА

РЕДУКЦИЯ КАК АКТИВНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале романов К. Я. Лагунова)

Бытует мнение, что региональная литература — это «другая» литература со своей тематикой, проблематикой, стилем, языком... Однако наблюдения над активными речевыми тенденциями, отражающимися в романах К. Я. Лагунова, показывают, что его произведения гармонично вписываются в современную языковую ситуацию.

К. Я. Лагунов — тюменский писатель, в произведениях которого отражаются проблемы современной действительности, поднимаются острые философские вопросы. Действие в его романах «Завтрак на траве» и «Самоеды», написанных на рубеже веков, разворачивается в близком и понятном нам времени и пространстве. Видимо, именно поэтому язык этих произведений становится своеобразным отражением тех активных процессов, которые мы можем наблюдать сейчас в нашем языке. Причем доминирующее положение в этом отношении занимает редукция (или сокращение), проявляющаяся буквально на всех уровнях языковой системы. Редукции подвергаются не только отдельные лексемы, но и фразеологические единицы, словосочетания, предложения.

Так, имитируя живую, разговорную речь, К. Я. Лагунов в репликах своих персонажей очень часто прибегает к сокращению, усечению слов на гласном, которое может выполнять в тексте различные функции. Например: — *Чего бы тебе не обнародовать сии мудрые мысли в своей газете? А? Духу не хвата?.. Ха-ха-ха!..*; — *А мы чо? Мы пожа... — с готовностью начал было Герка, да его оборвал окрик отца* («Завтрак на траве»); — *Чего молчишь? Правды бо...* («Самоеды»). В первом примере глагол *хватает* подвергается редукции для того, чтобы передать насмешливо-ироническое отношение говорящего к своему собеседнику. Автор этих слов как бы посмеивается над адресантом, пытается вызвать у него негативную реакцию, хочет задеть его самолюбие и т. д. Усечение данного глагола выполняет в тексте характерологическую, оценочную функцию. Этой сокращенной лексемой автор подчеркивает зависимость человека от обстоятельств, невозможность принятия самостоятельного решения.

В двух других примерах усеченные слова *пожалуйста* и *боишься* передают ситуацию перебивания речи собеседником. Авторам этих слов не дают закончить

201

Романы Другого: опыт лингвистической интерпретации

свою мысль, останавливая их на полуслове. Казалось бы, ничего необычного в этом нет. Однако привлечение более широкого контекста показывает, что в данных ситуациях людям не дают сказать правду, не позволяют выразить то, что они думают на самом деле. Не случайно Л. В. Зубова отмечает, что «у писателей, поэтов полуслова становятся средством художественной выразительности» [Зубова 2006: 456]. Более того, у К. Я. Лагунова усечение слов — это не просто стилистический прием, это некий символ, отражающий современную его героям общественно-политическую ситуацию, когда за слово можно поплатиться головой.

Довольно много в названных романах и сложных слов, или компрессивов, призванных передать в одной номинативной единице максимум содержания. Такие емкие по смыслу новообразования, с одной стороны, сокращают текстовое пространство, а с другой — повышают информативность произведения. Например: прокуренно-пропитой (голос), коньячно-водочно-винные (бутылки), маникюропедикюры, кофейно-чайно-фруктовый (перерыв) и т. д. Такие лексемы, включающие в свой состав нередко основы даже не двух, а трех исходных слов, зачастую выполняют в тексте иронично-оценочную функцию.

Немало у К. Я. Лагунова и сложносокращенных слов (или аббревиатур), которые также являются отражением активных языковых процессов. Ведь, как отмечают исследователи, аббревиация переживает сейчас очередной пик активности. Например: *инмир* (от *иной мир*), *госчерта* (от *государственная черта*), *допльготы* (от *дополнительные льготы*), *допблага* (от *дополнительные блага*), *допзаработок* (от *дополнительный заработок*), *рацпред* (от *рациональное предложение*) и др.

Иногда редукции, или сокращению словарных компонентов, подвергаются в текстах и фразеологические единицы: *И заруби... мои романы и пьесы... а-а известны не только в Союзе... («Самоеды»)*. Здесь фразеологизм *зарубить себе на носу* усекается до одного слова. Однако читатель без труда восстанавливает имплицитную часть фразеологиче-

С. Мокроусов. Морозно. 2002

ской единицы. Следует отметить, что трансформация фразеологизмов является одним из излюбленных приемов К. Я. Лагунова. Причем не последнее место среди этих преобразований (наряду с контаминацией и расширением состава фразеологических единиц) как раз занимает сокращение словарных компонентов исходного сочетания.

В романах К. Я. Лагунова сокращаются не только фразеологизмы, но и свободные сочетания слов. Причем такой процесс приводит к переходу слов из одной части речи в другую. Так, например, отсутствие при предлогах имен существительных меняет частеречную отнесенность служебных лексем и превращает их в самостоятельные слова-наречия. Ср. : — *Только что с Инной Вячеславовной разговаривала. Приглашает завтра за город. // — По поводу или без? — сникшим голосом уточнил Никита Иванович; Все можно притормозить, спустить аккуратно и тихо. Не всегда надо прямо и через, можно и вокруг; Надо быть выше... Быть над... Чтоб засматривали снизу вверх...* («Завтрак на траве»). Таким образом, редукция охватывает у К. Я. Лагунова не только сферу словообразования, но и приводит к существенным сдвигам в области морфологии. За счет сокращения свободных словосочетаний обогащается лексический состав самостоятельных частей речи.

Синтаксические конструкции также подвергаются у К. Я. Лагунова редукции, а точнее — сегментации. Например: *Никита Иванович получает Ксюшин багаж. А мы отбываем восвояси; О суровом надо писать сурово. Четко. Честно. Мудро* («Завтрак на траве»). Следует отметить, что сегментированные конструкции, где вместо запятых между однородными членами или частями сложного предложения ставятся точки, довольно часто используются в прозе К. Я. Лагунова. Парцелляция придает текстovým фрагментам живость, динамичность, определенную экспрессию и эмоциональность. Такая ритмическая организация текста в большинстве случаев имеет место тогда, когда автор передает свои собственные мысли, чувства, убеждения. При этом каждое слово будто отделяется от других, врезается в память, лучше усваивается подсознанием. Именно на этот эффект, видимо, и рассчитывает автор. Он хочет быть услышанным, понятым, надеется на живой читательский отклик. Кроме того, подобные парцеллированные конструкции отражают не только индивидуальный писательский стиль, но и общие тенденции в синтаксисе современного русского языка, который становится более расчлененным, живым, динамичным.

Таким образом, редукция как активный языковой процесс, обусловленный как экстралингвистическими факторами, так и собственно языковым законом экономии речевых усилий, является в произведениях К. Я. Лагунова не только отражением трансформаций, происшедших в языковом сознании современного человека, но и выполняет яркую стилистическую и образно-символическую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубова Л. В. Поэтика полуслова // *Художественный текст как динамическая система*. М., 2006. С. 456–472.

701